

РОССИЯ — НАША!
ПРОШЛОЕ РОССИИ — НАШЕ!
БУДУЩЕЕ РОССИИ — ТОЖЕ НАШЕ

Борьба

ОРГАН
СОЮЗА БОРЬБЫ
ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ НАРОДОВ РОССИИ
(СБОИР)



Год издания четвертый

№ 10 (38)

Октябрь 1950 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

В. КАМЫШИН—Под знаком великих строек	1
С. ЗАРУДНЫЙ—Неотвратимый кризис большевизма	3
С. ЮРАСОВ—«Социалистическое» государство	6
К. ПРОХОРОВ—Земельная реформа Китая	8
Облик большевизма	
В. ПАНИН—«Ступенчатое ограничение свободы»	10
ГР. КАРГСКОВ—Родина встретила ,	12
Говорят невозвращенцы	
ЮР. КОРЕЙСКИЙ, ГР. СОСНОВСКИЙ—Одна из многих попыток	15
По страницам печати	
Р. МЕНСКИЙ—Оборончество и «пораженчество»	17
В. К.—«РОДИНА»	20

Редакционная коллегия



ПОД ЗНАКОМ ВЕЛИКИХ СТРОЕК

В. Камышин

На пороге празднования 33-ей годовщины Октябрьской революции Советский Союз «заполнен» великими стройками. Начиная с 21-го августа—времени опубликования постановления о первой великой стройке—Куйбышевском гидроузле—советские газеты, да и вся жизнь в Советском Союзе, проникнуты невиданной доселе пропагандной кампанией по поводу великих строек.

Намечен огромный объем работ; часть из них—в исключительно тяжелых условиях (главный Туркменский канал). Но даже этому огромному объему не соответствует поистине грандиозный размах пропаганды, мобилизованной вокруг великих строек. Это несоответствие работы и пропаганды лучше всего иллюстрируют цифры. Новые великие стройки дают в сумме чуть больше 4 миллионов киловатт установочной мощности электростанций. В то же время за послевоенную пятилетку (46-50 гг.) мощность электростанций возросла почти на 11,5 миллионов киловатт и об этом не только не шумят, но, наоборот, стараются говорить возможно более туманно и неясно. Правда, кроме электростанций, в великих стройках существует еще огромный объем других работ, но это работы технически примитивные, хотя и трудоемкие, и тоже не могут оправдывать поднятой шумихи.

В чем же дело? Предоставим слово «Правде»:

„Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции, главный Туркменский канал, Каховская гидроэлектростанция, Южно-Украинский и Северо-Крымский каналы—это новое проявление могущества социалистической Родины, великой силы социалистического труда нашего народа, миролюбивой политики советского государства“. (Передовая «Правды» от 24 сентября 1950 года).

«Сообщение о новых замечательных стройках разнеслось по всему миру, как весть о доблестных победах нашей страны, вдохновило миллионы людей Запада и Востока, борющихся за дело мира и де-

мократии. Эта величественная программа строительства, принятая Советским Союзом,—пишет китайская газета «Синьвень-жибао»,—свидетельствует о его мирной политике и она, безусловно, является огромным стимулом для народов всего мира, борющихся за мир».

«С первых дней существования Советская держава последовательно и настойчиво проводит политику мира и дружбы между народами. Советский народ руководствуется мудрым указанием тов. Сталина: Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. СССР не думает угрожать кому бы то ни было и—тем более—напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира». (Передовая «Правды» от 23 сентября 1950 года под заголовком «Знаменосец мира».)

«Грандиозное строительство, осуществляемое в нашей стране, наглядно показывает миролюбие внешней политики Советского государства». («Правда» от 22-го сентября 1950 года, передовая).

Итак, первая цель грандиозной рекламы ясна: практически, не словами, а фактами «наглядно показать миролюбие внешней политики Советского государства».

Показ этот происходит со страха и неслучайно эти постановления по времени совпадают с решительной демонстрацией западным миром своей готовности бороться до конца с коммунистической агрессией, где бы она не выпустила свои жадные когти. Со страха он и потому, что экономическая целесообразность этих строек находится под очень большим вопросом. Постановление же о ликвидации на орошаемых землях постоянной системы малых каналов свидетельствует, что и на существующих орошаемых землях ощущается острая нехватка рабочих рук, вынуждающая переходить к большой механизации.

Мы не раз указывали на то обстоятельство, что Сталин боится большой войны

и предвидели (см. „Борьбу“ № 4-5 за 1949 г. статья „Перестройка к повороту“) большое отступление в случае прямой угрозы войны. Сегодня это отступление—конкретная реальность и имя ему великие стройки.

Главная цель—доказать свое миролюбие — как нам кажется, продиктовала и профиль этих великих строек. Что может быть более мирного, чем барашки (любезные каждому грузинскому сердцу), пасущиеся на тучных обводненных лугах? Какие человеческие страсти не уйдутся при виде золотого моря полей и прекрасной зелени лесонасаждений? Давно признано, что журчащая вода успокаивающе действует на нервы, и какая благодатная почва для миролюбивой, полной идиллии пропаганды в жанре „а-ля пейзаж“, под соусом „преобразования природы“—этой заветной мечты человечества. Вокруг металлургических гигантов такой лирики не разведешь! В этой бурной пропаганде миролюбия не обходится и без анекдотов. „Правда“ от 24-го сентября цитирует в своей передовой китайскую газету „Дагуанбао“, которая пишет:

„Разрешив вопросы языкознания, советский вождь планирует строительство гигантских электростанций, Разве это не является самым убедительным доказательством того, что Советский Союз направляет свои усилия на мирное строительство“.

Какой чудный „дядя Джо“! — занимается исключительно языкознанием и... орошением.

Доказывая свое миролюбие, Сталин не только хочет избежать преждевременной для него войны из-за „холодной“ коммунистической агрессии, но и рассчитывает нанести удар по экономике западного мира, хочет еще раз заставить перейти демократию на мирные рельсы и одновременно усыпить ее бдительность, тайно соревнуясь с ней в вооружении и подготовке к грядущей войне.

Такова, по нашему мнению, внешнеполитическая цель шума о великих стройках.

Таким образом, большевистское руководство хочет сделать из великих строек универсальное лекарство для внешнего и внутреннего потребления. А лечить есть что—и вовне и внутри.

Слишком большое увлечение „мирными завоеваниями“ вовне, в послевоенный период, повело не только к поражениям на дипломатической почве и к прямой угрозе войны, но и к падению авторитета

„пролетарского государства“ и „строителей коммунизма“ в глазах мирового общественного мнения. Например, не сам по себе корейский инцидент вызвал уход попутчика Уоллеса (Корея явилась каплей, переполнившей чашу)—настроения его, очевидно, складывались долго. Падает авторитет коммунистических партий. Демократия учится поступать с коммунистами по коммунистическому рецепту, т. е. правильно. Эти болезни, по мнению Политбюро, призван, в какой-то мере, вылечить план великих строек.

Не будем касаться внутренних болезней Советского Союза—их слишком много и исследовать все экономические и политические затруднения советской действительности в этой статье не можем. Отметим только, что наиболее прорывный участок—сельское хозяйство, которое еще не достигло и не скоро достигнет довоенного уровня. Плохо, очень плохо и с производительностью труда, с желанием граждан трудиться на свое «социалистическое отечество», двигаясь в коммунизм.

План великих строек используется, как попытка создать энтузиазм „эпохи строительства коммунизма“, как это некогда удалось сделать в отношении строительства социализма. Неважно, что строительство будет проводиться, преимущественно, чисто каторжным трудом концлагерников и полукаторжным трудом колхозников. Советские правители уверены и, может быть не без основания, что великими стройками можно, в значительной степени, занять умы граждан, а некоторых из них, особенно молодежь, искренно увлечь строительством этого самого коммунизма.

В день 33-ей годовщины Октябрьской революции пропагандная шумиха достигнет своего апогея. Будут рапортовать железные дороги, создающие „зеленые улицы“ для грузов великих строек; будут докладывать заводы и главки о досрочном выполнении заказов и т. д. и т. п. Под пропагандной шумихой скроются сами стройки, из которых сейчас начата только одна. Это и неважно. Для советского руководства эти стройки не цель, а средство делать хорошую мину при плохой игре и обманывать приветливой улыбкой почтенную публику. Им не впервой, не стать—привыкать.

Каков, однако, будет успех? Демократическая публика за последнее время

научилась понимать шифрованный язык коммунизма,

А как же стройки? Во-первых, берем на себя смелость выразить уверенность, что в намеченные сроки они выполнены не будут, если будут выполнены вообще. Установление правильного срока требует значительного коэффициента. Во-вторых, строить их будут, как уже строили многое, концлагерники. На земляные работы, как в 1941 году на рытье противотанкового рва линии Сталина протяженностью более 2.000 км., будут сгонять колхозников Украинны, Поволжья, Средней Азии. Их бесплатный труд „на собственных харчах“, без права покинуть работу до выполнения задания, будет выдаваться, и уже сейчас (в подготовительной фазе) выдается за великий энтузиазм. Чтобы не сбиться и чего-либо не перевернуть, представляем это сделать „Правде“.

В газете от 26-го сентября 1950 года на стр. 1 в статье „Трудовой вклад крестьянства“ говорится: „Единодушное стремление помочь строительству Сталинградской гидроэлектростанции выражает колхозное крестьянство.“ В той же газете в статье „Обновление Туркменской земли“ пишется: „Отовсюду поступают сообщения

о горячей готовности колхозников принять непосредственное трудовое участие в сооружении Главного Туркменского Канала“.

Наконец, „Правда“ от 18-го сентября в статье „Большая честь“ сообщает из Проскурова о собрании в колхозе им. Сталина Полонского района, на котором „участники собрания приняли решение—закончить все с. х. работы к 33-й годовщине Великого Октября, выделить большую группу колхозников и направить их на работу по сооружению новых строек на Днестре“.

Старый, знакомый почерк.

На пороге 33-й годовщины Октябрьской революции, надо думать, не очень радостно в Кремле. Сегодня реально есть крушение авантюры, отступление, поражение, которое трудно, но во что бы то ни стало нужно скрыть. Маневр великих строек может дать какие то победы, но это еще журавль в небе.

Чтобы этого журавля поймать, нужно еще больше напрягать и без того напряженную экономику, нужно совершать новые массовые насилия, которые в перспективе тоже имеют определенные последствия. Не есть ли это порочный круг?

(См. справку—стр. 20)

НЕОТВРАТИМЫЙ КРИЗИС БОЛЬШЕВИЗМА

С. Зарудный.

Факт, что русский народ и большевистский режим—непримиримые смертельные враги, известные антибольшевистской эмиграции, всех без исключения политических группировок, и крупным иностранным политикам. Возникает практический вывод огромной важности, что успешная и победоносная борьба с большевизмом должна проводиться в тесном союзе с русским народом.

Многие думают, что для революции необходим толчок, который потрясет громадную советскую административно-карательную машину. Этот толчок может быть дан извне в виде войны или в виде военно-политической поддержки российских антикоммунистических сил без объявления войны. Но и без поддержки внешних сил, по нашему, потрясение неизбежно наступит изнутри, хотя, возможно, и со значительной задержкой во времени.

Хотя мое мнение об абсолютной невозможности внутреннего переворота в СССР устоялось вследствие того, что до сих пор внутренние социальные процессы Советского Союза анализирова-

лись недостаточно внимательно. Например, совершенно не было оценено соотношение нарождающихся и отмирающих сил как в народе, так и в самом аппарате коммунистической диктатуры. В коммунистической партии произошли не меньшие сдвиги, чем в угнетаемой ею стране. Бывали моменты, когда советскому режиму угрожало крушение в результате внутривластной борьбы. Советским диктаторам удавалось удержать власть в значительной мере потому, что они во время решающих схваток с народом сохраняли «внутренний мир» в партии, а решающие внутривластные войны вели в периоды относительного успокоения в стране. Например, во время гражданской войны и массовых антисоветских восстаний в ВКП(б) процветала внутривластная демократия. Зато самый спокойный период (НЭП) ознаменовался самой бурной внутривластной борьбой.

Период «социалистического наступления» (коллективизация, раскулачивание, индустриализация, голод, демпинг) проходил под знаком затишья

в партии. И перед 17-м съездом и на самом съезде ходячей фразой было: «партия едина и монолитна как никогда». В период «ежовщины», когда были ликвидированы «ленинская гвардия», верхушка Красной армии, массы новой советской интеллигенции, рабочих и крестьян, а затем и «герои» самой «ежовщины», не было никаких «социалистических наступлений», и страна пребывала в состоянии относительного материального благополучия («колхозный НЭП»). Драконовские законы о труде были введены после ежовщины.

Несмотря на свои победы, советские диктаторы нажили много опасных врагов и сильно распаталали свои собственные позиции. Если «социалистическое наступление» сделало непримиримыми врагами большевизма крестьянство и старую интеллигенцию, то «ежовщина» восстановила и рабочих, и новую советскую интеллигенцию, и военных. «Ежовщина» посеяла страх и недоверие к партийному руководству не только у коммунистов, но и у работников карательных органов, которых пачками ликвидировали теми же методами и на тех же основаниях, что и рядовых советских граждан. Изменилось и лицо партии: с советского горизонта исчезли и „старые большевики“, и «старые чекисты, и «легендарные герои гражданской войны», и «красные партизаны», и рядовые идейные «твердокаменные коммунисты». От старой партии остались лишь безинициативные аппаратчики, но зато выплыло много новых, хорошо «подкованных», беспринципных и безидейных карьеристов. Кроме того, — что очень важно — многие коммунисты, особенно в армии, „перековались“ в убежденных замаскированных антибольшевиков оставаясь с партбилетами в кармане.

Вторая мировая война нанесла советскому строю тяжелейшие удары. Началась массовая борьба народа с большевизмом. Вначале эта борьба приняла форму «пассивной революции» — массовой сдачи в плен. Позже эта борьба приняла активные, динамические и целеустремленные формы Освободительного Движения Власовского периода.

Одновременно с военно-политическим движением произошли менее яркие, но, пожалуй, не менее важные события. На занятой врагом территории, в чрезвычайно тяжелых материальных условиях и несмотря на противодействие оккупационных властей, властно пробивались ростки новой жизни. Там, где были разделены колхозы, несмотря на отсутствие доброй половины мужских рабочих рук, машин и рабочего скота, с неожиданной быстротой возродилось единоличное хозяйство; и, несмотря на громадные налоги немецких оккупационных властей, крестьянство подняло свой жизненный уровень. Начали работать учреждения, предприятия. Жизнь показала, что рядовой советский инженер, врач, агроном, учитель может руководить и работать ничуть не хуже, чем бежавший коммунист — орденоседец. Картина мгновенного

хозяйственного возрождения была особенно яркой и показательной на территории, оккупированной румынами, которые в местные дела почти не вмешивались.

Оказалось, что годы советского лихолетья не прошли даром. Народ стал в полном смысле сознательным, политически развитым и способным к организованным действиям. Развивая промышленность, создавая учебные заведения, повышая, в своих целях, квалификацию рабочих, советская власть подготовила многочисленные кадры, даже в самых трудных условиях способные организовать предприятие, учреждение и самоуправление. Самы того не желая, большевики вырастили своих могильщиков.

И Освободительное Движение и быстрое возрождение жизни на оккупированных территориях доказали всему населению Советского Союза, что наш народ, даже в трудных условиях, способен наладить жизнь и создать массовую, организованную и целеустремленную военно-политическую силу. Поэтому мы утверждаем, что Освободительное Движение было генеральной репетицией Великой Освободительной Революции. Несмотря на трагическую судьбу Движения, оно оставило на лице большевизма глубокий шрам, который не скрыть ничем, шрам, который в новый благоприятный момент откроется зияющей, смертельной раной.

И на советской стороне произошли немалые сдвиги. Власть быстро уловила устремления народа и стала под них подыгрывать. Была официально амнистирована религия, введены погоны и прокламирован патриотизм: делались намеки на крупные реформы, которые должны последовать после успешного окончания войны. После победы все заговорили о роспуске колхозов, ликвидации террора, об ограничении власти Политбюро, о переходе к настоящей мирной жизни. Пребывание в Европе многомиллионной армии, сравнение уровня жизни «капитализма» и «социализма» только усилили эти устремления.

Послевоенная советская действительность безжалостно разбила эти иллюзии. Последовали массовые ссылки целых народов, населения оккупированных областей, репатриированных и освобожденных пленных. По всей стране выросли новые концентрационные лагеря, насчитывающие около 15 миллионов заключенных. Начались чистки в армии, партии, среди работников науки и искусства. У колхозников урезали приусадебные участки, ввели ковые драконовские законы о труде, обесценили боевые ордена и выбросили на произвол судьбы инвалидов войны. Все силы еще не восстановленной после войны страны были брошены на подготовку к новой войне. Вместо ожидаемого облегчения, произошло новое «закурывание гаек до отказа».

Разочарование вскоре перешло в озлобление. Злобно-критическое «завоевали» стало кры-

латым словом. Кое-где начались и открытые антисоветские выступления, появились партизанские отряды, в Ленинграде взбунтовались инвалиды, в Одессе с оружием в руках восстали моряки. В разных уголках страны появились антисоветские листовки. Все это говорит о неуклонном нарастании революционного взрыва «снизу», со стороны народа. Но для успеха революции не менее важно, что «наверху», в правительственных кругах наступает перерождение, вырождение и отсутствие единства.

Война сильно истрепала партию. На фронте погибла значительная часть «проверенных» партийцев, исчезли старые партийные кадры, очутившиеся на оккупированной территории и не реабилитировавшиеся участием в партизанском движении. Под подозрение попали и родственники репрессированных. Война сильно истощила кадры партийных аппаратчиков. Вдобавок остатки старой партии были сильно разбавлены фронтовиками, которых принимали в ряды ВКП(б), не слишком разбираясь в «социальном происхождении». В партию попали не только решительные и «беспокойные» люди, организчески чуждые коммунизму по духу, но и убежденные, замаскированные антикоммунисты.

В СССР исторически сложились такие условия, что партийному руководству черпать полноценное, энергичное пополнение неоткуда. В наши дни созрело поколение, испытавшее все этапы построения коммунизма на своей шкуре. В детстве оно пережило голод и коллективизацию, в юности «ежовщину», в молодости войну, закончившуюся оккупацией европейских стран, т. е. показом «капитализма на практике». Можно сказать, что современное поколение Советского Союза прошло «полный курс» практической «академии антикоммунизма». Им уже никаким «марксизмом-ленинизмом» мозги не свихнешь. И партийное руководство вынуждено пополняться за счет имеющихсся в этом антикоммунистическом море наиболее ловких приспособленцев и преуспевающих подхалимов. Эта категория может успешно выполнять малейшую «волю партии» в период мира и спокойствия, но эти люди вовсе не намерены во имя весьма проблематичного торжества коммунизма «в мировом масштабе», ставить себя под удар. Этими настроениями заражены и многие старые сталинцы. Перед ними маячит призрак возможного «Московского Нюрнберга» и еще более грозной и безжалостной расправы, которая неизбежно будет одним из элементов народной революции. Этой панической психологией, больше других заражены работники карательных органов МГБ-МВД. Они, в силу специфики своей работы, лучше всех осведомлены и о внутреннем и о международном положении страны и о том, что их может ожидать. Часть из них будет драться до последнего патрона, часть будет искать спасения в предательстве и истреблении

своих вчерашних «соратников». Это относится особенно к молодым работникам МГБ, попавшим туда с фронта. Следовательно, в момент потрясения опора власти—МГБ—тоже вряд ли окажется надежной и монолитной.

Победа и советизация ряда стран возложили на ВКП(б) новое тяжелое бремя. Кремль вынужден распылять остатки своих лучших кадров по сателитам, так как местные компартии оказались не только не надежными, но часто и враждебными руководству ВКП(б). В лице Тито генеральная линия, первый раз за всю историю, встретила сильную и организованную оппозицию, имеющую множество скрытых сторонников. Положение в сателлитах обостряется еще и тем, что в странах «народных демократий» Кремль вынужден действовать поспешно и сочетать одновременно методы «социалистического наступления» с «ежовщиной», т. е. наносить одновременно удар и по широким народным массам, и по церкви, и по верхушкам коммунистических партий—и всюду встречать отпор.

Выражаясь образно, ВКП(б), в лице сателлитов, обещала себя тяжелыми веригами. Как мы видим, перед советской административно-политической машиной в настоящее время небывалые, и внутренние и внешние, трудности, трудности значительно большие, чем перед второй мировой войной.

Неблагополучно и на самом верху. Совсем недавно «скоростижно скончался» виднейший после Сталина член Политбюро Жданов, после чего исчез и его ставленник Вознесенский. Личный друг Сталина авторитетный член Политбюро Андреев вынужден каяться на страницах печати,—факт, не имеющий прецедента в прошлом.

Известное брожение происходит и в партийных низах. В тесных компанейских партийных кругах позволяют себе такую роскошь, как критику мероприятий ЦК. Вновь испеченные коммунисты из фронтовиков позволяют себе задавать официальным докладчикам каверзные вопросы, местами возникает даже нечто вроде фракций, при выборах нередко рекомендованные вышестоящими органами кандидаты оказываются забаллотированными.—явления совершенно немислимые в предвоенных условиях. Вероятно, боязнь каких—нибудь нежелательных эксцессов и можно объяснить такой загадочный факт, как небывалую затяжку 19-го съезда партии, несмотря на внешний крайне благоприятный момент—победу. Пока, несмотря на все напряжение, большевистская диктатура еще существует, но существует до первого серьезного толчка, который потрясет ее административно—карательный аппарат и развяжет руки как антикоммунистическим силам народа, так и оппозиционным силам в самой партии.

Страшные удары надвигаются с совершенно противоположных сторон и могут совпасть в одном отрезке времени. Надвигается война. Но ключи-

войны и мира находятся в человеческих руках, и сроки войны, в значительной мере, зависят от воли абсолютного диктатора Сталина. Другой, не зависящий от человеческой воли и совершенно неотвратимый удар надвигается со стороны природы, законы которой безжалостны. Сталин достиг предельного возраста, может умереть каждый день и неизбежно умрет в течение ближайших лет.

Смерть Сталина будет страшным потрясением в самом мозгу диктатуры—в Политбюро. Борьба за власть примет открытые кровавые формы; партийный и карательный аппарат будет дезориентирован и дезорганизован, так как сам будет вовлечен в борьбу. Неизбежно повторение событий, наступивших после смерти Ленина, но с той громадной разницей, что тогда внутрипартийная борьба протекала на фоне общего удовлетворения, спо-

койствия и благополучия НЭП'а и народные массы в нее вовлечены не были. Теперь же массы готовы к активным революционным действиям, как никогда и рвутся в бой. Какая-то из борющихся сторон начнет апеллировать к массам и постарается вовлечь их в борьбу на своей стороне. Но когда в борьбу вступит народ, начнутся великие события, которые выдвинут и великих людей. Тогда пробьет смертный час большевизма.

Смерть Сталина—один из возможных вариантов толчка к народной революции. Не исключаются и другие варианты.

Важно, абсолютно важно, что особенно в послевоенное время в СССР происходит накопление факторов, революционизирующих страну. Развивается «высокое давление», которое неизбежно однажды прорвет созданную большевиками оболочку.

„СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ“ КРЕСТЬЯНСТВО

С. Юрасов

Большевики правы—война была серьезным испытанием советской власти, из чего они и сделали свои выводы. Один из них—российский крестьянин, давно загнанный в колхоз, не перестал быть крестьянином. Стоило войне ударить по советской власти и советским порядкам, колхозник чутьем крестьянина почувствовал «слабину» и стихийно стал возвращаться к своему естественному состоянию крестьянина.

До сих пор в нашей печати много писали о крестьянине—колхознике в областях, захваченных фронтом, но почти не говорили о тыловом крестьянине.

От Москвы до Тихого Океана в 1941-44 г.г. среди колхозного крестьянства стихийно возникли явления, которым советская власть во время войны не рисковала ответить своим испытанным оружием—насилием.

Прежде всего, колхозник стал на путь нарушения системы госпоставок и «добровольных поставок», смысл которых—забрать у колхозника, в случае хорошего урожая, излишки.

Кроме того,—и это главное,—колхозник, вернее [колхозница, т. к. мужчины были взяты на фронт, стала нарушать «колхозную дисциплину», т. е. заведомо пошла на игнорирование работы в колхозе: чорт с ними, с трудоднями,—так говорили тогда в деревне, а работала на своем приусадебном участке и в своем разрешенном личном хозяйстве.

Третье—стихийно возникла свободная торговля, колхозница сама стала продавать свои продукты, часто не выполнив государственных поставок. При астрономических ценах на продукты во

время войны, (что также является стихийным сопротивлением власти), когда литр молока стоил до ста рублей, килограмм хлеба до восьмидесяти рублей, килограмм мяса—четыре-пятьсот рублей, стакан семечек—двенадцать рубл., один помидор—двадцать—тридцать руб., колхозники вскоре, после начала войны, стали обладателями крупных сумм денег, не говоря о вещах, одежде, которые променяло городское население и массы эвакуированных. Государственная торговая сеть оказалась не состоятельной.

Чтобы как-то уменьшить концентрацию денег у колхозников, властью был применен метод, известный при Петре 1-м: был применен вариант «добровольных пожертвований на армию». Началось это с Феропонта Головатого, внесшего сто тысяч рублей на самолет. Сталин, по примеру Петра I-го, на всякое подобное пожертвование лично отвечал благодарностью: «Родина и Красная Армия не забудут Вашего патриотического поступка...»—две, а то и три страницы «Правды» и «Известий» ежедневно были заполнены сообщениями о «пожертвованиях» крестьян и ответами Сталина. Многие мужчины-колхозники, как и сам Ф. Головатый, такими «пожертвованиями» спасали себя от призыва в армию. Крестьянки для «пожертвований» выбирали месяц май и лето, когда начинались тяжелые бои на фронтах с тем, чтобы для приема «купленных» ими танков и самолетов на заводы Урала и Сибири приезжали их сыновья или мужья с фронта. «Приемка» продолжалась обычно три-четыре месяца, кроме того, такие танки и самолеты, обычно, не посылались в опасные операции. Государство прекрасно понимало истинные мотивы

большинства «пожертвований»—это было, несомненно, своеобразным поражением российского крестьянства. Государство шло на подобные откупы.

О суммах, скопившихся у колхозников, можно судить по «пожертвованию» одного колхозника—узбека. Он подписался на военный заем на один миллион рублей, причем, деньги внес наличными, а заем «пожертвовал» в фонд Красной Армии.

Общее настроение первого года войны среди крестьян было, несомненно, — поражение. После того, как Гитлер сделал все, чтобы русский народ, а за ним и армия сменили надежду на освобождение от коммунизма поражением на ненависть к немцам, в колхозной деревне стихийно возникла другая надежда на Запад (Гитлер был ведь тоже Запад!)—по деревням стали открыто говорить о том, что союзники — США и Англия—за свою помощь требуют «роспуска колхозов», «свободной торговли», «разрешения церкви».

Советская власть опять же не подавляла этих слухов. Наоборот—разрешили церковь, а остальное... фиксировали.

Что же помешало большевикам бороться с подобными видами сопротивления крестьянства? Прежде всего—война, требовавшая «ухаживания» за народом, воевавшим и работавшим на войну. Во-вторых, отсутствие партийных организаций в деревне, в колхозах часто даже председатели колхозов были беспартийными: коммунисты деревни были брошены на фронт. Кроме того, родственные и личные связи и интересы среди колхозного крестьянства оказались необыкновенно крепки.

С окончанием войны «свободная жизнь» колхозной деревни кончилась. «Советская власть не забыла...»

Обмен денег ликвидировал скопившиеся суммы у колхозников—никто не рисковал пытаться менять деньги, полученные от свободной торговли военного времени, ибо официально ее никто не разрешал, а за «спекулятивные» деньги просто сажали в тюрьму с конфискацией имущества.

Нарушенная «колхозная дисциплина» была резко восстановлена: за малейшее нарушение дисциплины или «расхищение социалистической собственности» советские суды стали осуждать крестьян на многие годы лагерей, так например: за «кражу колосков» в 1947 году крестьян осуждали на 10-15 лет лагеря.

Вскоре никто из колхозников уже не рисковал не сдать полностью госпоставки или «добровольные поставки» в фонд «укрепления армии», или «фонд восстановления разрушенных районов», или «в фонд помощи колхозам, бывшим под оккупацией» и т. д.

Но все это было только ликвидацией невольных «уступков» власти колхозному крестьянству во время войны.

Послевоенная политика коммунизма и его советской власти, идущая под знаменем подготовки

к «последнему решительному бою», т. е. к новой войне, конечно, включила тщательное изучение опыта прошлой войны.

В отношении крестьянства было «учтено и изучено» его сопротивление во время войны,—описанное выше было несомненно сопротивлением российского крестьянства советской власти. Властью были сделаны «оргвыводы»:

1. Уничтожить возможность повторения подобного сопротивления.

2. Усилить зависимость колхозника от государства.

3. Усилить, государственный и партийный контроль над колхозником.

Началось это с покаяния члена Политбюро и министра земледелия Андреева. Смысл этого покаяния сводился к тому, что существовавшая система работы в колхозах з в е н о м признавалась порочной и заменялась работой б р и г а д о й. Это значит, что при работе звеном, в которое входила, обычно, одна-две крестьянские семьи, колхозники находили возможность уделять много времени своей скотине, своему приусадебному участку. При бригадном методе—тридцать-сорок человек—колхозник становился рабочим. Тем более, что вместе с этим началась специализация колхозника—одних делают огородниками, других—животноводами и т. д., т. е. происходит разделение сельскохозяйственного труда. Мы не ошибемся, что неминуемо будет применена табельная система учета рабочего времени.

Вторым шагом было—укрупнение колхозов. Если раньше в колхоз входила одна деревня, а если было село, то оно состояло из нескольких колхозов, теперь колхоз состоит из нескольких деревень или большого села. Колхоз превращается в сельскохозяйственное предприятие, где каждый колхозник—рабочий этого предприятия.

Укрупнение колхозов дает выход из создавшегося положения, когда в колхозах не было партийных организаций. Ибо один—три коммуниста и несколько комсомольцев не могли составить парторганизацию, тем самым партия не могла добиться полного партийного контроля и «партийного руководства». Теперь в укрупненном колхозе—пятнадцать—двадцать членов партии и тридцать—сорок комсомольцев—это уже парторганизация.

Третьим шагом было—начало создания «сельских социалистических городов». Это значит—что со временем деревни будут уничтожаться, как когда то уничтожались хутора, и крестьяне станут жить в городках.

Все это означает, что крестьянин из колхозника превращается в сельскохозяйственного рабочего, в государственного батрака.

Для ликвидации «частно-собственнических тенденций» среди колхозников система укрупненных колхозов должна поставить колхозника в положение, при котором у него не будет ни времени, ни возможности иметь свое хозяйство и свой при-

усадебный участок и заниматься им. В этом смысле надо рассматривать начавшийся по Советскому Союзу выкуп личного скота колхозников колхозами.

В этом же плане надо рассматривать постановление Совета министров СССР от 18 Августа 1950 г. об уничтожении существующей сети постоянных оросительных каналов и о замене ее временными каналами, которые «устраиваются только на период поливов и заравниваются в зависимости от требований механизации обработки почвы и ухода за посевами», т. е. об уничтожении около полумиллиона километров существующих ныне оросительных каналов. Что значит такое экономически и агротехнически абсурдное постановление? — Это значит, что система временных каналов возможна только при большой механизации работ и что может быть выполнена только государством (конечно, с участием тех же колхозников!) Все это поставит колхозников в полную зависимость от государства.

Эти «аграрные реформы» проводятся под руководством члена Политбюро Хрущева, который после войны работал на Украине и где сделал «оргвывод» о возможности нового, уже более осмысленного и широкого сопротивления колхозного крестьянства при сложном положении, которое, конечно, создаст новая война.

Таким образом, мы можем сделать свой «оргвывод»:

1 Большевизм приходит к своему логическому завершению—полному закабалению крестьянина, сделав из него сельскохозяйственного рабочего, на которого распространится «закрепление за производством», «ступенчатое ограничение свободы» и т. п., ибо руководить рабочим—рабом куда легче, чем свободным крестьянином и даже полурабом—колхозником.

Сроки новой войны, которую «планируют» большевики, заставляют их «подготавливать тыл» из учета «ошибок» прошлой войны, когда колхозник нашел возможность сопротивления власти.

Земельная реформа Китая

К. Прохоров

В одном из предыдущих номеров «Борьбы», в статье „Что происходит в Китае“, мы уже говорили о том, что земельная реформа, проводимая вначале коммунистами, политически провалилась и привела не только к экономическому развалу сельского хозяйства, но и к огромному росту сопротивления народа.

Более поздние материалы свидетельствуют о том, что это сопротивление приняло угрожающие размеры и вынудило Мао-Цзе-Дуна и его сподвижников к большому, далеко идущему отступлению. Точно так же, как в свое время большевики, под давлением народных восстаний, сами не умея наладить экономическую жизнь страны, вынуждены были объявить НЭП, сегодня Мао-Цзе-Дун тоже вводит НЭП. Мао-цзе-дуновский трюк не носит сейчас официального названия «НЭП»—слишком хорошо известен и до конца разоблачен ленинский вариант—но таков смысл закона о земельной реформе, утвержденного 28-го июня на заседании Центрального Народного правительственного Совета Китайской Народной Республики и вступившего в силу 30-го июля 1950 года.

В экономике Китая сельское хозяйство является решающим фактором. Около 80 проц. населения заняты сельскохозяйственным трудом. В экспорте Китая только 8 проц. занимают не связанные с сельским хозяйством предметы. Ничтожная малая промышленность Китая, еще и разрушенная в ходе войны, в экономике страны играет очень малую

роль. Именно поэтому можно говорить, что мероприятие, равнозначное НЭПу в сельском хозяйстве, означает НЭП для всей страны и ее экономики. Кстати надо заметить, что захватив ряд крупнейших промышленных предприятий на севере (быв. японские), китайские коммунисты давно всю остальную промышленность «доверили» восстанавливать „национальной буржуазии“. Таким образом, НЭП, по смыслу, есть новый этап развития, на который вступил Красный Китай с 30-го июля с. г.

Земельная реформа, проводимая до сих пор, преследовала, прежде всего, пропагандные цели. «Проведение земельной реформы, рассчитанное на поднятие активности и сознательности крестьян, требует довольно долгого времени»—пишет М. Макарова («Большевик» № 10 за 50 г., стр. 45).

В силу этого сама реформа проводилась не продуманно с хозяйственной точки зрения, задевала интересы чуть-ли не всего крестьянства поголовно и была направлена на «развязывание классовой борьбы в деревне».

Вот как, захлебываясь от восторга, описывала М. Макарова проведение земельной реформы по старому образцу:

«Обычно работа идет так: в деревне организуется комитет из наиболее сознательных трудящихся крестьян. Комитет на общем собрании крестьян разъясняет задачи и порядок проведения реформы и предлагает всем высказываться, сооб-

щать о притеснениях и обидах со стороны помещиков и кулаков. Затем, производится подробная опись всего инвентаря, скота у помещиков, кулаков, а также составляется анкета о каждом крестьянском хозяйстве. Все данные оглашаются для проверки на общем собрании жителей деревни и исправляются в соответствии с замечаниями и поправками крестьян. После такой демократической проверки записей окончательная разбивка хозяйств на группы по имущественному признаку (бедняки, середняки, кулаки) проводится уже в районных организациях.

Затем, производится обмер всей земельной площади и определяется надел на душу населения. Результаты подсчетов—кому сколько дать земли и у кого сколько отобрать—снова оглашаются на общем собрании жителей деревни. Хорошую землю в первую очередь выдают батракам, беднякам и семьям воинов Народно-освободительной армии. У помещиков и крупных кулаков отбирается часть инвентаря и некоторые постройки. Земля передается в частную собственность крестьян».

(«Большевик» № 10, стр. 45).

Совершенно очевидно, что в результате земля самого что ни на есть середняка, его собственная земля, могла оказаться в «частной собственности» какого-нибудь батрака, обладающего преимущественным правом выбора. Этот порочный принцип—«вали в кучу, потом разберемся»—приводился не случайно. Новые хозяева получали землю «в собственность» из рук государства. Психологически они могут ее считать не «извечной собственностью», а подарком. Отнять эту землю для создания колхозов потом будет легче, чем действительную «собственность» — клочек земли, орошенный потом поколений крестьянской семьи.

По словам М. Макаровой, «Земельная реформа, вызывая огромный энтузиазм крестьянства, способствует успешному восстановлению земледелю». Однако, ложь Макаровой разоблачил Мао-Цзе-Дун и сам факт появления нового закона, если можно так выразиться, диаметрально противоположного. Мао-Цзе-Дун в речи по поводу нового закона подчеркнул, что именно он (этот закон) призван «способствовать успешному восстановлению земледелия». «Энтузиазм крестьянства» вынудил китайских коммунистов к серьезному, на значительное время рассчитанному, отступлению.

По закону о новой земельной реформе, вся ранее принадлежавшая крестьянам земля остается в их частной собственности, а малоземельные крестьяне получают дополнительные наделы. Эти дополнительные наделы идут за счет отчуждения излишков земли у помещиков и других крупных землевладельцев.

Технически эта операция проводится так: по каждому району определяется величина земельного надела. Крестьянская масса делится на бедняков, середняков и кулаков. Только беднякам и се-

реднякам добавляют землю, если они в настоящий момент имеют меньше нормы. У кулаков земля отбирается только в том случае, если она не обрабатывается ими самими, а сдается в аренду или пустует.

«Согласно статьи шестой, земля, принадлежащая богатым крестьянам и обрабатываемая ими самими или с помощью наемной рабочей силы, а также другое имущество богатых крестьян остается в неприкосновенности»—пишет «Правда» от 3-го июня 1950 года на стр. 5 и сообщает дальше, что «Земля и другое имущество середняков (включая зажиточных середняков) остается в неприкосновенности».

Норма земли практически не ограничивается, если земля приобретена на средства, «заработанные ее владельцем своим личным трудом».

Проводя реформу, коммунисты не забывают одновременно создать себе возможно более широкую опору в деревне. «Статья 5-я указывает,—пишет «Правда»,—что семьи военнослужащих, погибших за дело революции, рабочие служащие и др. не будут квалифицироваться как помещики, если они сдают в аренду часть земли, а сама земля неприкосновенна, если ее даже на 200 проц. больше местной нормы».

Одновременно закон о земельной реформе направлен и на частичное решение проблемы безработицы, которая в настоящий момент достигла катастрофических размеров.

«Безработным и их семьям, возвращающимся в деревни с удостоверением муниципалитета или профсоюза, должен быть предоставлен земельный надел и другие средства производства наравне с крестьянами, если они просят землю и могут заниматься сельскохозяйственным трудом и если это позволяют местные земельные условия».

Помимо воли «законодателей», закон свидетельствует и о катастрофическом положении промышленности и торговли, на что ясно указывает пункт, говорящий: «Промышленные и торговые предприятия, принадлежащие помещикам, а также земля и другое имущество, используемое помещиками непосредственно для обеспечения деятельности этих промышленных и торговых предприятий, не подлежат конфискации».

Также помимо воли «законодателей», закон свидетельствует о том, что к моменту его введения в стране накопилось огромное количество активного недовольного элемента, делом и словом борющегося против коммунистов. Новый земельный закон отредактирован в этой части так, что фактически является амнистией и дает этой части населения определенное дело, которое должно привлечь все их внимание и создать экономическую жизненную базу.

«Помещикам, возвращающимся после бегства, лицам, когда-либо работавшим на врага, но возвращающимся в деревню, и их семьям должен

быть предоставлен земельный надел и другие средства производства наравне с крестьянами, если они хотят жить сельскохозяйственным трудом», — гласит один из пунктов закона. Характерно, что здесь не подымается вопрос, как в случае с безработными, «позволяют местные земельные условия» дать этот надел или нет.

Собственно в этом же плане проходит и еще один пункт закона, говорящий: «Монахам, монахиням, священникам и другим духовным лицам будет предоставлена земля и другие средства производства наравне с крестьянами, если они не имеют других средств существования и могут и хотят заниматься сельскохозяйственным трудом».

Вообще новый закон о земельной реформе — это такой документ, под которым не стыдно подписаться любому демократическому правительству, стремящемуся к благу своего народа. Если бы такой земельный закон два года тому назад издал Чан-Кай-Ши, то он бы не сидел сейчас на Формозе, а Мао-Цзе-Дун был бы в Москве — или в Кремле или на Лубянке. Сейчас же, после ознакомления с этим новым документом, ясно, что карта Чан-Кай-Ши бита и что при наличии помощи он, может быть, усидит на Формозе, но будет изолирован от какого-либо влияния на внутреннюю жизнь Китая — будет постепенно превращаться в старого эмигранта.

Мы отлично понимаем, что этот хороший закон, со стороны коммунистов, есть только трюк, «шаг назад, чтобы сделать два шага вперед», но сегодня он сыграет значительную роль в укреплении коммунистического владычества в Китае. На некоторое время Китай будет значительно умиротворен, подымется экономически, но это все же не означает, что внутри Китая прекратится борьба народа с коммунизмом.

Китайский народ сегодня вырвал у своего коммунистического правительства закон о новой аграрной реформе. Китайским коммунистам в ходе войны и революции не удалось разгромить все иные политические партии. Эти партии борются, в той или иной мере, с партией коммунистической, и далеко не безоблачен политический горизонт внутри Китая. Об этом лучше всего свидетельствует «Телеграмма демократических партий и групп Китая Мао-Цзе-Дуну и ЦК Компартии Китая» под заголовком: «О единстве всего Китая». В ней говорится о том, что новый земельный закон крепит единство Китая. Редакция знакомая: мы очень хорошо знаем, что значит, когда в коммунистической стране рекламируют единство.

Телеграмму подписали: Революционный Комитет Гоминдана, Демократическая Лига Китая, Демократическая Ассоциация Национальной Реконструкции, беспартийные демократы, Ассоциация Содействия Развитию Демократии, Китайская Рабоче-крестьянская Демократическая Партия и др.

Таким обрезом, новый земельный закон, хотя и означает некоторую серьезную стабилизацию положения внутри Китая, все же не ведет к окончательному закреплению коммунистического владычества. Он ставит крест над внешними реставрационными попытками борьбы (Чан-Кай-Ши) и отныне борьба переносится внутрь Китая. Мы знаем, что эта борьба неизбежна и что в Китае она будет более жестокой, чем была в СССР.

Определить ту прогрессивную силу, которая наиболее четко будет отражать стремления китайского народа и оказать ей помощь в борьбе с коммунизмом — в этом, по нашему мнению, долг демократического мира перед китайским народом

«...усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и недопускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.»

(«Пражский Манифест»).

ОБЛИК БОЛЬШЕВИЗМА

«Ступенчатое ограничение свободы»

В. Пацян

... „Начнете всеобщей свободой, кончите всеобщим рабством“.
(Достоевский)

У советской коммунистической власти есть своя закономерность. Отношение власти к населению, построенное на политических целях власти, а не на служении своим народам, неизбежно приводит к таким явлениям, как многомиллионные концлагеря, принудительный труд, массовые насильственные переселения, мобилизация детей и многое другое, из чего самым новым является «ступенчатое ограничение свободы».

Сталин когда-то сказал, что Советский Союз — это осажденная крепость. Значит, население Советского Союза — солдаты. Идеальные отношения между командованием — властью и солдатами — населением — бесприкословное подчинение приказу и жизнь по военному уставу с предельным лишением людей личной жизни.

Приказать и заставить работать в концлагере, где люди лишены свободы и личной жизни — куда легче, чем людям свободным, поэтому советская власть внутренней логикой своего развития все больше скатывается к рабским взаимоотношениям.

Что такое „ступенчатое ограничение свободы“? — Это советская „новинка“, когда за нарушение приказа власти людей наказывают лишением свободы разной степени. Как в армии существуют наказания «нарядом внеочереды», лишением увольнения в город, домашним арестом, гауптвахтой, снижением в чине, штрафным батальоном и т. д. — так теперь и в „гражданской“ жизни советских людей.

Так, если рабочий или крестьянин опоздал на работу, его наказывают вычетом 25 проц. заработной платы, а при повторном опоздании — 50 проц. и лишением части продуктовых карточек (до отмены их).

Если рабочий, служащий или колхозник не вышел на работу, или опоздал на несколько часов, сделал брак или как-то нарушил производственную дисциплину, — его лишают свободы:

1. Он продолжает работать и жить у себя дома, но передвигаться может только между предприятием и домом (радиусом до 5 км.)

2. Также радиусом до 25 км.

3. Также радиусом до 100 км.

4. Он продолжает работать на своем предприятии, но живет в лагере — трудколонии под арестом и на работу ходит под конвоем. Из его жалования вычитают на содержание лагеря и охраны.

5. Его направляют в лагерь. Если его предприятие большое, то оно имеет своей лагерь при городе, где он живет. На работу его водят под конвоем, на работу, в которой нуждается предприятие или город (район) — (черные или сельскохозяйственные работы).

6. Его направляют в отдаленные лагеря при строительствах ГУЛАГ'а,

Сроки лишения свободы определяются не только степенью нарушения советских приказов или статей Уголовного Кодекса или всяческих «указов», но и неожиданно появившимся недостатком рабочей силы на каких-то участках «народного хозяйства», напр.: последние постановления Совета Министров о «гигантских стройках коммунизма» — гидростанций и каналов автоматически повлекут за собой сроки наказания в 5 и больше лет концлагерей с тем, чтобы обеспечить эти «стройки коммунизма» рабочей силой до конца строительства.

В доказательство нашего утверждения, что жизнь всех советских людей приблизилась к формам жизни советских заключенных, — приведем примеры наказаний в концлагерях:

1. За невыполнение нормы выработки — штрафной паяк в 350 грамм хлеба в день.

2. За дисциплинарные нарушения — заключением в штраф-колонну с выходом на работу, какую заключенный выполнял до наказания.

3. Переводом на физически-тяжелые работы

4. Заключением в штраф-колонну с выводом под конвоем на тяжелые работы, со штрафным пайком.

5. Переводом в штрафные командировки или штрафные лагеря.

6. Увеличением срока наказания.

7. Расстрелом (за систематический отказ от работы).

Советская практика рабского труда и миллионной советской армии привилегия советским пра-

вителям взгляд, что людскими массами куда удобнее распорядиться, если применять к ним лагерные методы в перемежку с методами из военнодисциплинарного устава армии.

Такие отношения власти к населению охватывают одна за одной все стороны человеческой жизни: производственные, духовные, семейные, политические.

Развод стал фактически невозможным, за «нарушение брака»—наказание лишением свободы. Женщина обязана государству рожать детей, го-

сударству нужны солдаты и рабочие. За нарушение—наказание лишением свободы. За нарушение идеологических приказов власти—в науке, искусстве—наказание лишением свободы. И так во всем.

Но так как прежняя практика заключения в отдаленные «трудовые лагеря» не могла быть применена ко всем—нельзя же всех посадить в лагерь,—то лагерь подвинут к человеку:—на каждом большом предприятии имеется свой лагерь, в каждом городе или районе — свой, элементы лагеря введены в быт, в работу людей—это и называется «ступенчатым ограничением свободы».

РОДИНА ВСТРЕТИЛА

Гр. Каргрсков

О печальной судьбе репатрированных и репатрировавшихся в Советский Союз приходило к нам много погрязших сведений, много рассказали жутких историй беглецы из советских репатриционных лагерей, из отправляющихся в СССР эшелонов и даже из самого СССР. Например, одна затравленная девушка убежала с Украины и благополучно добралась до своего хозяина, у которого она работала как «остовка» в Баварии.

Много рассказывали прибывшие немцы из советского плена. Однако, все сведения и рассказы по преимуществу освещали местные явления и, кроме того, носили окраску субъективных переживаний. Для воспроизведения общей картины, без грубых ошибок, недоставало необходимых фрагментов. Недавно нам пришлось побеседовать с бывшим советским конвойным солдатом—К. Ф. Его рассказ помог нам закончить более—менее полное воспроизведение судьбы «остовцев», «военнопленных» беженцев и власовцев.

На нашу просьбу рассказать о конвойной службе К., по привычной осторожности, сначала подумал: «можно ли, дескать, говорить о таких «секретах»? Но, видимо, решил: «Была не была»—и вот что рассказал.

В 1945 году в гор. Куйбышеве (быв. Самара) при местном гарнизоне была сформирована и соответствующе подготовлена конвойная рота. Командиром роты назначили капитана—партийца, а на взводы поставили заслуживших особое доверие лейтенантов. Рядовой состав тоже был отобран из «незаяптаных». Попал и К. в эту роту.

Прежде, чем приступить к несению конвойной службы, рота, помимо усвоения обычных конвойных правил, должна была «проработать» особую инструкцию для специального конвоирования «преступников, сотрудничавших с немцами во время войны». Эта инструкция категорически запрещала конвойным солдатам вступать с подконвойными в какие бы то ни было разговоры и даже отвечать на вопросы. Выслушивать от подконвой-

ных заявления, просьбы и вопросы имели право только офицеры. Тем более не разрешалось подконвойным вступать в разговоры с вольными гражданами. За нарушение подконвойными этого пункта правил конвою вменялось в обязанность убивать нарушителя на месте, без всякого предупреждения. Поэтому, когда на питательных пунктах подконвойных вывели из вагонов с ведрами или баками за кипятком или супом (2-3 человека с вагона), сопровождающий конвой держал заряженные автоматы на изготовке со снятыми предохранителями и пальцами на спусковых крючках.

Обслуживая положенную дистанцию конвойного пункта, солдаты роты не имели права вести разговоры с солдатами того конвоя, у которого принимался этап, и того, которому сдавался. Этапированные принимались и сдавались по простому именному списку, без всяких иных сведений, а в пути проверялись счетом.

Личные документы, видимо, шли со специальным фельдгером МГБ в засекреченном виде.

Такие вопросы между солдатами разных конвоев, как например: В каком городе ваш конвой принимает. Этапы или в каком сдает, что это за люди? — уже составляли факт нарушения инструкции, а за каждый факт подобного рода начальник конвоя был обязан немедленно арестовать виновного, снять с него военное обмундирование, втолкнуть в вагон к арестантам, вписать в их общий список. Рапорт по начальству о случившемся являлся основанием для дальнейшего оформления в органах МГБ дела нового арестанта.

В 1945 году рота приступила к этапированию. Этапы она принимала эшелонами в Куйбышеве и сопровождала до Челябинска. Эшелоны обычно состояли из 40—45 товарных вагонов. Все вагоны были подобраны с тормозными площадками и дополнительно оборудованы. Если считать по порядку вагоны от паровоза, то каждый четный вагон имел с правой стороны пристройку над ступеньками тормозной площадки, а каждый нечетный—с

левой. Пристройки выступали в стороны от площадок настолько, чтобы часовой мог видеть и обстреливать всю сторону эшелона.

На крышах вагонов, по краям, были устроены низкие передвижения для безопасного расположения во время движения дежурных пулеметчиков с пулеметами и автоматчиков. Эшелон электрофицировался с обеих наружных сторон и в хвосте сильными электрическими фонарями. Ночью, среди приволжских степей или Уральских гор, такой иллюминированный поезд был загадочным и любопытным зрелищем. Так радостный блеск огней большевики пересимволизировали в страх и горе.

В каждом вагоне находилось по 40 арестантов. Двери вагонов закрывались с обеих сторон, окна—люки с одной. Ночью свет внутри вагонов не полагался. Для нужд арестантов в полах вагонов были прорезаны круглые небольшие дырки.

Охрана практиковалась двух видов: «нормальная» и усиленная, но только наружная. Внутри вагонов никакой охраны не полагалось. На тормозной пристройке каждого вагона стоял один часовой с автоматом. Каждый пятый вагон имел на крыше пулемет и 2-х автоматчиков. Хвостовой вагон имел станковый пулемет и 2-х автоматчиков на площадке и ручной пулемет с двумя автоматчиками на крыше. Всего на эшелон в охране было до 10 пулеметов и до 37-40 автоматов. Но это для нормальной охраны.

Для усиленной охраны «особых» эшелонов в караул шла вся рота. На крышах вагонов стояло 10 пулеметов, направленных в одну сторону, и 10 в другую, при них находилось по два автоматчика. Усиливался караул и на хвостовом вагоне. С наступлением темноты наружное освещение было значительно сильнее, чем при «нормальном» конвое. К. пришлось быть в усиленной охране в разное время при 8 эшелонах. В них везли «власовцев». *)

Поток эшелонов с 45 по 48 г. постепенно падал: в 45 г. шло 5-7 эшелонов в месяц, в 46 г.—4-5, в 47 г. 3-4, в 48 г. 2-3 **). В 1949 году К. выбыл из конвойной роты. Шли ли подобные эшелоны другими путями К. не знает, но думает, что и на северных путях было то же самое.

За все время на участке Куйбышев—Челябинск была только одна попытка побега. В одном из вагонов арестанты проломали пол, и один из них, повиснув над вагоном, на крутом подъеме Уральского хребта, когда состав замедлил ход, сорвался и упал плашмя на полотно между рельс. Начало было благополучным: вагоны с грохотом пробежали над беглецом и оставили его позади себя.

*) Следует полагать, что столь сильная охрана была установлена из-за случаев нападения на эшелоны партизан с целью освобождения заключенных.

***) При низших цифрах только по этому направлению прошло более 250.000 заключенных.

Однако, хвостовая охрана сразу же заметила человека между рельсами и открыла огонь. Человек вскочил и бросился бежать к ближайшему лесу. Пуля свалила его. Поезд остановили. Беглеца нашли, раненого привели к эшелону и на глазах арестантов перед открытыми люками вагонов расстреляли.

Суточный арестантский паек состоял из 500 гр. черного хлеба, одной банки консервов (видимо американских) на 2-человек и 20 гр. на человека сахара. Из жидкого давался кипяток.

Как же смотрела на движение арестантских эшелонов так называемые «вольные граждане»? Собственно, они не имели права смотреть на это движение как бы то ни было. Тут требуется делать вид, что ничего не замечаешь. Так, обычно, и делают подсоветские люди. Кому охота за праздное любопытство оказаться в таком же арестантском вагоне? Но это не значит, что народ ничего не замечает и ничего не видит. Он все видит, все замечает.

«Шила в мешке не утаишь». Так называемые «вольные граждане» постепенно узнают все досконально из тайно пересланных шифрованных писем, из записок, выброшенных в щели вагонов, от железнодорожников, от конвоиров и по многим иным сведениям и приметам.

Конвой участка Куйбышев-Челябинск за несколько рейсов уже знал все без разговоров с заключенными и между собой. Все стало известно, при полном сохранении правил инструкции: проговаривались офицеры в присутствии солдат, подслушивались заявления, просьбы, вопросы арестантов офицерам конвоя, а больше всего узнавали из подслушанных разговоров, происходящих в вагонах между арестантами.

Все уже знали, что под «обыкновенным» конвоем сопровождаются «остовцы» — наши русские люди, завезенные Гитлером во время войны на работы в Германию. Узнали, что люди эти, после «освобождения» из гитлеровского рабства, сразу же были взяты под конвой. Их тщательно опрашивали, допрошивали, проверяли и фильтровали. Некоторые из них не прошли сквозь фильтр, а потому немедленно исчезли. Остальных постепенно стали увозить, как им говорили «домой». А пока ожидающих своей очереди на отправку разместили по лагерям и выводили на разные работы по демонтажу, по обслуживанию оккупационной армии и даже на заводы, производство которых Советам было необходимо в первую очередь. Все же постепенно людей отправляли «домой». В лагерях администрация делала вид, что она не выпускает людей из-под охраны в их же интересах: из боязни, чтобы их не обидели немцы! Когда увозили очередную партию, начальник лагеря усиленно повторял одно и то же веселым тоном: «Домой! Домой!»...

Многие верили, что они действительно попадут домой, иные сомневались, но большинство ожидало самого худшего, они и оказались правым.

Как только партия прибывала на советскую границу, ее переводили в стандартные конвойные (описанные выше) составы, брали под «нормальную» или «усиленную» охрану, объявляли грозные требования к арестантам, инструкции и везли мимо больших городов, мимо родных мест, везли за Волгу, за Урал, вглубь Сибири и на ее северные окраины.

В специальных концлагерных распределителях (перпунктах) объявляли сроки заключения. До этого им ничего не говорили о наказании. Увезенные немцами дети, если на них не оказалось никакого материала, получали по два года «исправительно-трудовых лагерей», военнообязанные и бывшие военные получили от 2 до 15-20 лет. Им было дано распоряжение или приказ умереть, а они остались жить. Разве это не саботаж? Теперь наступило время получить возмездие от советского «правосудия».

Все же кое-кто попал действительно домой. О них кричало на весь мир советское радио и писали советские газеты точно это было невероятное чудо. Однако, во всем этом отчетливо слышалось: «Смотрите, ничего мне не было, жив остался. Не бойтесь, приезжайте»... и зычно добавлялось: «Вас ждет Родина, вас ждут родные!..»

Однако, по советским правилам эти люди должны быть на учете в органах МГБ и, когда роль «наживки» и «ширмы» ими будет сыграна, многих и непременно отправят туда же, куда отправляли всех.

После объявления на «перпунктах» (пересыльный пункт) постановления МГБ о сроках, начиналась сортировка: семейных разъединяли: отца посылали в одно место, мать в другое, взрослых детей в третье. Мальчиков, достигших 12-летнего возраста, угоняли в Суворовские школы; не достигшие 12 лет и девочки шли в детские дома. Объявив всем, что по окончании срока заключения вернуться в места своего пребывания до войны никто не имеет права (что значит—остается поселенцем в отдаленных местах), приступали к отправке этапов в места отбывания сроков заключения. Отправляли на постройки подземных аэродромов, секретных заводов, в отдаленные рудники (Норильска, Колымы и др.), на постройки стратегических дорог и для «превращения севера в цветущий сад» (фраза Сталина).

Разница в сроках едва ли имеет значение. Участь одинакова, как 2-х летних, так и 20-летних. Никогда и никого из заключенных строителей секретных «объектов» в живом виде Советы на свободу не выпускают, порукой тому советская шпиономания. Вообще о сроках там теперь говорят мало. Их заменили вошедшей в обиход фразой: «До тех пор, пока это будет нужно партии и правительству»...

Когда мы спросили:—Каковы теперь сроки службы в Советской армии?— он ответил: «О

сроках не говорят, а когда кто-нибудь спросит замполит отвечает: «До тех пор, пока это будет нужно партии и правительству»... В армии уже нет срочников и сверхсрочников. Есть демобилизация, чаще связанная с последующим арестом и жестокой репрессией. Демобилизация бояться, как недоброго вестника злой судьбы.

Будут и в «трудовых концлагерях» сидеть короткосрочники и долгосрочники до тех пор, «пока это будет нужно партии и правительству». Весьма возможно, что со временем их переименуют из «з-к» в колонистов, из колонистов в переселенцев, но во всех случаях человек останется рабом.

В этой зверской жестокости есть, с советской точки зрения, политический и экономический смысл. Большевики больше всего боятся слова правды. Ни атомные, ни водородные бомбы их так не пугают, как правдивое слово. За обыкновенное правдивое слово они убивали и убивают десятки, сотни и тысячи людей. Мало того, их «криминальная» политика жестоко преследует не только сказавшего слово правды, но и того, кто это слово услышал. По этому поводу чекистская практика обоснована на специальной теории «концентрических кругов».

— Если бросить камень в воду, от точки падения пойдут круги,— толкует эта теория. В переводе на простой язык, теория эта понимается так: от сказанного слова идут круги в сознании окружающих сказавшего, а потому необходимо изолировать вместе со сказавшим всех, ктовольно или невольно, оказался в пределах концентрических волн сказанного слова.

Следуя упомянутой теории, как могут большевики оставить на свободе всех остовцев, военнопленных, беженцев и всех, кто попал за пределы СССР и услышал свободное и правдивое слово? Кроме того, тут были не только «круги» без конца, но и зрительное прикосновение к правде.

Для лживой, преступной и трусливой власти в таком случае только один выход:

— Всех, всех, кто попал в «концентрические заграничные волны» за время войны запрятать подальше, независимо от того виновны они или нет с точки зрения какого-то права!.. И прячут эшелоны за эшелонами. Подальше в глушь, где почти не освоены обширные пространства из-за редкой населенности, где неотложная необходимость требует к о л о н и з а ц и и.. Это значит в Сибирь на запроектированные секретные и не-секретные новостройки, куда никто не поедет работать добровольно.

Большевистская «мудрость» смотрит далеко вперед: будущие заводы, шахты и иные предприятия тайги и тундры должны быть обеспечены «кадрами» («Кадры решают все»—Сталин), а потому и заключенные не должны покидать «гиблых мест» по окончании своих сроков заключения: их лиша-

ют права выехать в свои родные места, в 56 больших городов, в крупные рабочие центры, в 100 км. пограничную полосу, в 25 км. радиусы вокруг секретных предприятий, военных центров и проч. и проч. Это всем знакомо, эти порядки уже много лет бьют десятки миллионов подсоветских граждан.

Цель в расправе большевиков со своими репатриантами ясна: убить в корне потенцию антисоветской агитации и напитать бесплатной рабочей силой секретные стройки в «гиблых местах».

Эта дикая расправа с неповинными людьми, как и тысячи других расправ, указывает слабое

место в большевистской «крепости». Атомные и иные самые разрушительные бомбы не угрожают большевистской власти, она их не боится. Бомбы будут уничтожать народ, а не власть. Власть для своей безопасности заготовила убежища в виде подземных городов.

Большевики больше всего боятся правды, правдивого слова, правдивой пропаганды, убивающей не народ, а власть даже в подземных убежищах. В этом самом слабом месте и нужно вести атаки на большевистскую крепость.

ГОВОРЯТ НЕВОЗВРАЩЕНЦЫ

Одна из многих попыток

Первый групповой арест в сельской местности Елецкий оперотдел ОГПУ произвел 6 ноября 1929 года в селе Измалково—этого же района. В этом районном центре учителем сельской начальной школы был некий Анисимов—сын псаломщика. В годы студенчества он принадлежал к партии социалистов—революционеров. После Октябрьской революции 17 года, никакой политической деятельностью не занимался, а скромно обучал ребятишек и иногда помогал местному совету распространять государственные займы, за что с-совет считал Анисимова активистом.

Общаясь с местным крестьянством, Анисимов хорошо знал настроение мужиков. Больше всего угнетал крестьянина продналог, который брали не только с посевной площади, с покоса, но и по «встречному плану». Получалась двойная норма, да индивидуальное обложение—более зажиточных крестьян. Все вместе взятое оказалось не под силу мужику. Картину грабежа дополняли активисты с-совета и РК ВКП(б), которые каждый день ходили по деревне с железными тростями и выискивали зарытый хлеб. Это после снятия урожая 1929 года.

«А что будет дальше,—говорили крестьяне, особенно к весне. Голодная смерть?»

Народ волновался. Настроение ясно повстанческого характера. Анисимов это учел и решил воспользоваться моментом для сведения счетов с коммунистической партией. Вместе со своим коллегой—Манаенковым—Анисимов организовал более решительных и толковых крестьян. Создалась группа, готовая на все трудности предстоящей борьбы о власть. Таких верных людей было около 50 человек, но основное, руководящее ядро состояло из 7 человек. В руководящий центр

каким-то образом попал коммунист с дореволюционным стажем, рабочий—шахтер Бельский.

Как Анисимов принял в свою группу руководителей коммуниста Бельского, осталось не выясненным, но за эту оплошность он заплатил своей головой и головами своих верных друзей по борьбе.

4 ноября 1929 года, вечером, группа Анисимова собралась в доме одного из участников, где присутствовал и Бельский. На этом собрании было решено окончательно:

1) 7 ноября в день 13 годовщины Октябрьской революции арестовать всех руководителей района, штаб милиции разоружить и оружие раздать более активным участникам восстания.

2) Все окружающие селения оповестить о свержении коммунистической власти и под лозунгом «За советскую власть, но без коммунистов» обратиться с призывом к крестьянам о немедленном присоединении к повстанцам.

3) С присоединением крестьян соседних районов—Станвянского и Елецкого, во главе с Анисимовым двигаться на юго-восток к г. Елец, окружить казармы 17 стр. полка 6 стр. дивизии и разоружить последний. Красноармейцев, желающих сражаться вместе с повстанцами—немедленно освободить, остальных интернировать, а затем форсированным маршем двигаться в Краснозорецкий, Лев Толстовский и Ливенский районы на юго-запад в г. Ливны с задачей разоружить расположенный там 18 стрелк. полк.

4) Затем, захватить жел. дор. узловые станции Елец Юго-Восточ. ж. д, Грязи, Лев Толстой (б. Остапово), Верховье и т. д. А дальше, как ситуация покажет.

Такой примерно план был составлен Анисимовым, для свержения коммунистической власти, в 1929 году. Конечно, план нелепый: во-первых потому, что другие районы не были подготовлены к восстанию и ручаться за безусловное присоединение крестьян соседних районов к повстанцам было рискованно. Во-вторых, руководители восстания, после свержения местной власти и захвата 3-4 жел. дор. узлов не знали, что делать дальше. Не было никакой увязки с такими же людьми других районов, а такие люди безусловно были, массовые восстания крестьян нескольких областей центральной России*) подтвердили это. Но и не в этом было дело. Анисимов не учел возможности предательства и это погубило дело.

Коммунист—рабочий Бельский оказался информатором ОГПУ, завербованным еще ЧК в годы гражданской войны 1918—19 г.г., когда он, борясь за генеральную линию партии большевиков, выявлял среди рабочих Донбасса антибольшевистские элементы. Но позднее Бельский порвал с ВЧК и ГПУ потому, что его не отблагодарили и он оставался только рабочим. Бельский решил предать организацию, в которой и сам участвовал. Пятого ноября он доложил обстоятельно Райуполномоченному ГПУ по Измалковскому району Васютину, последний немедленно доложил Нач. Окр. отдела ГПУ Минееву И. В. Ликвидацию контр-рев. группировки поручили тогдашнему ст. уполномоченному ИНФО Филатову.

В ночь с 6 на 7 ноября 1929 года группа Анисимова была арестована, около 70 человек никакого отношения не имеющих к указанной группе.

На предварительном следствии, руководитель восстания Анисимов сразу признал все, что ему вменялось в вину и откровенно заявил: «если бы я был политической фигурой вроде Троцкого, то советской власти во главе с коммунистами, давно бы не существовало, но я воробей по сравнению с Троцким и не мог это сделать организационно».

На предложение назвать всех участников в подготовке к восстанию Анисимов категорически отказался и заявил: «Я не для того организовывал свою группу, чтобы предать вам, а если вы хотите точно знать моих соучастников, то это будут все крестьяне России». Если мне не было суждено осуществить моего намерения благодаря предателям, судите меня, я ничего не скрываю от вас, что я хотел сделать».

Принадлежность к группе арестованных вместе с ним крестьян Анисимов категорически

отрицал и заявил: «Ни один крестьянин из всех, показанных мне на очной ставке, к моей группе не принадлежал, действовал я один, судите меня одного». Судить одного Анисимова ГПУ не хотело. Весь упор делался на Бельского, который назвал на следствии всех участников руководящей группы — 6 чел. и себя в том числе. К счастью, о всех других, кроме 7 чел., Бельский не знал и не мог даже приблизительно указать на каго-либо.

Бельскому, арестованному вместе с Анисимовым, вначале пообещали освобождение, по окончании следствия, с приемом его на работу в органы ГПУ, но следствие тянулось, а Бельский продолжал сидеть вместе с арестованными.

Приблизительно 15 ноября 1929 года было предъявлено окончательное обвинение обвиняемым—Анисимову, Манаенкову, Бельскому и др. Когда ст. уполномоченный ИНФО Филатов заявил, что Бельский являлся прямым помощником Анисимова в деле организации восстания, направленного на свержение существующего строя, что предусмотрено ст. 58 п. 2-10-11 уголовного кодекса РСФСР, только тогда Бельский спохватился. Он спросил Филатова: «Неужели меня будут судить по тем обвинениям, которые вы зачитали?»

Филатов, обещавший все время освободить Бельского и даже устроить работать в ГПУ, теперь заявил: «Вы, Бельский, являетесь непосредственным помощником в организации к. р. восстания и до сих пор наивничаете». Кого же тогда судить, если не вас с Анисимовым? Если вы говорите, что вы раскрыли это дело, так это пустяки, это долг каждого советского гражданина, и это не освобождает от ответственности за преступления совершенные вами.»

А сколько я получу по суду, «за это преступление?»—спросил Бельский.

«Это дело не подсудно суду,—сказал Филатов,—а оно будет разбираться коллегией ОГПУ во внесудебном порядке. Срок наказания согласно ст. ст. уголовного кодекса от 10 лет и.... но тут Филатов не договорил, т. к. Бельский вскочил со стула и закричал: «сволочи — кровопийцы! Социализм строите на костях рабочего класса и крестьян»...

1 декабря 1929 года группу расстреляли в подвале Елецкого окр. отдела ОГПУ. Расстрелом руководил уполномоченный ЭКО садист и наркотик Николай Михайлов.

Юр. Корейский

Гр. Сосновский

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ

ОБОРОНЧЕСТВО И „ПОРАЖЕНЧЕСТВО“

Р. Менский

От редакции: *Вопрос о «пораженчестве» и оборончестве поднимался уже не раз. Сейчас почти каждому очевидно — кто был прав, у кого понимание народной воли и исторической перспективы соответствовали переживаемому моменту. Однако, до сих пор группа меньшевиков, фактически уже не столько в плане обвинений Освободительного Движения, сколько в плане личных оправданий, подымает этот вопрос.*

Помещая нижеприведенную статью, которая, к сожалению, имеет характер личной полемики, мы даем последний ответ оборонческой концепции и к этому вопросу впредь возвращаться не будем. Спор с группой меньшевиков беспредметен—интересы этой узкой группки лежат в плоскости диаметрально противоположной интересам народов России.

Г. Аронсон, помещая свое письмо в «Новом Русском Слове» (31-го августа 1950 г.), именует его дополнением к дискуссии о власовцах. В письме из области «обвинений» ничего нового нет, т. к. дело заключается в конечном счете не в «обвинении власовцев, а в оправдании своих заблуждений за период прошлой войны. Выступления Г. Аронсона о власовцах оставались бы делом частным, не заслуживающим серьезного внимания, если бы «Социалистический Вестник» и его редактор Абрамович не поднимали бы принципиального вопроса о «пораженчестве» и «оборончестве» и не брали бы под яростную защиту «заслуженного деятеля российской демократии, бесстрашно боровшегося в самой России против большевистской диктатуры» «С. В. № 3-50 г. «Заметка»).

Заслуги Аронсона, конечно несомненные, не отрицаем. Даже не беремся судить насколько они больше или меньше заслуг, например, Дана, которому мы тоже склонны отдавать должное, но полагаем, что и заблуждения этих деятелей следует расценивать по-должному. В их заблуждениях мы видим нечто общее с той лишь разницей, что Дан был логичнее, прямее и последовательнее. Он уходил от с.-д., сбрасывая с себя свои старые политические одежды. Г.Я.А. не желает переодеваться, он менее прям и менее последователен, но зато его выступления настолько конкретны, что, по своим антидемократическим результатам, оставляют далеко позади себя выступления Дана.

Выступления Г. Аронсона нам невольно напоминают заявление, сделанное следователю подследственным москвичом Н., в тюрьме на Лубянке: „Я никогда вам не назову имен моих близких знакомых, что бы вы со мной не делали. Этого не позволит мне моя совесть, но вы и без меня можете узнать их адреса, если возьмете мою записную книжку в письменном столе в моей квартире»...

Деятель, «бесстрашно боровшийся в самой России с большевистской диктатурой», ныне поставляет большевистской прокуратуре недоброкачественный обвинительный материал против активных антибольшевиков - демократов. Странно, но факт!

— Товарищи, вот что наши враги с.д. (даже они!) говорят о власовцах,—будет восклицать сталинский прокурор, выкладывая на стол книжку Г.Я.А. перед тройкой или Особым Совещанием, разбирающим очередные дела бывших солдат или офицеров РОА, случайно раскрытых там или выкраденных отсюда. „Обыграв“ книжечку с присущей большевикам наглостью и предвзятостью, приговорят жертву к смерти, а книжечку приобщат к делу.

«Заслуженному борцу с диктатурой» мало сотен тысяч уничтоженных демократов. Он продолжает собирать «обвинительный материал», видимо считая власовцев—демократов врагом демократии № 1, а сталинскую диктатуру врагом № 2.

Мы не в праве и не собираемся требовать покрытия чьих бы то ни было преступлений, но мы в праве требовать правды, мы отвергаем предвзятость. В этом праве Р. Абрамович власовцам отказывает. Он, прежде всего, требует, чтобы зачастую седые, лысые и бородатые «комсомольцы», оправдывались перед господином Аронсоном по рангу его заслуг, почтительно, не размахивая руками, не повышая голоса и в самых изысканных выражениях. Требования, увы, невыполнимы.

Нам негде брать трепет уважения к Аронсону, порочащему миллионы антибольшевиков, в оправдание своих оборонческих концепций, и косвенно помогающему сталинскому террору.

Р. Абрамович попрекает «духовными отцами», но, кроме «духовных отцов» были когда-то у нас родные отцы. Многие из них, действительно, верой

и правдой послужили большевикам в 17-19 годах. Именно их Р. Абрамович имел в виду, когда 13.9.1917 г. писал: «Нельзя нам бороться против классового движения незрелых, малосознательных масс...»

У Р. Абрамовича хватало добрых чувств к нашим «незрелым и малосознательным» отцам. Почему же к их детям, так трагически познавшим всякую спекуляцию от имени рабочего класса, у него, кроме презрения и сарказма, иного не оказалось?

Вероятно, потому что они не выполнили оборонческих концепций Р. Абрамовича, требующих, в переводе на язык практического действия, следующего: **первой смерти** в экстазе сталинского патриотизма (за советскую родину, за Сталина!), **смерти с бутылкой горючего под немецким танком**, и **второй смерти** на виселице в результате борьбы со Сталиным, но только тогда, когда последний будет в мировом ореоле победителя и увеличит свое поголовье рабов до 800 миллионов. Причем, умирая первый раз, никто не в праве помнить, что Сталин убил его отца, мать, сестру, брата, а самого сделал подлинным рабом.

Нам кажется, что даже самым заслуженным деятелям демократии следует, хоть иногда, с высоты своих стройных концепций, посмотреть вниз, в народную гущу и понять, чем она живет и чего хочет. Если бы это было, то, вероятно, от кичливой самоудовлетворенности группы „Социалистического Вестника“ свсим решением об оборончестве от 23.6.41 года не осталось бы следа.

За прошлую войну, перед звериным лицом нацизма, не всех удалось обмануть Сталину молебнами и колокольным звоном. Необманутые искали более сложных политических решений, чем бессмысленное решение от 23.6.41 года. Да, да, бессмысленное, так как народ о нем не узнал тогда, не знает теперь, а Сталин не только не пригласил никого из «Социалистического Вестника» в Совет Оборона, но и неприменно повесил бы их делегата, посланного для выражения верноподданических чувств Сталину, с предложением оборонческих услуг.

Рука, протянутая Сталину в знак временного мира и даже союза, осталась висящей в воздухе. Ее не пожали, как пожали в 1914 году руку оборонца социал-демократа Б. О. Богданова, усаживая его в Военно-промышленный Комитет рядом с Гучковым.

Удивительно, что Р. Абрамович своей оборонческой позицией удовлетворен и поныне.

Мы понимаем, что Р. Абрамович проглатывал сталинскую пилюлю во имя самого благородного чувства, чувства любви к своей родине, к России. Мы тоже любим родину, но, во имя этой любви, бросали не «концепции», а свои жизни на карту исторической игры.

— Проиграли!— скажите.— Да,— ответим,— проиграли, если считать игру оконченной. Но пусть

нам скажет Р. Абрамович, сколько раз он сам, за свою более чем полувекую политическую игру, срывал банки и сколько раз проигрывался «в пух и прах»? Наконец пусть он нам честно скажет—как много он выиграл последний раз, ставя на оборончество?

В статье Г. Федотова «Сталин или Гитлер» («С.В.» № 1-2 50 г.) много сказано правдивых слов, но много и неповятого. Вот цитата: „Нам, профанам, представлялась эта политика такой ясной. Конечно, помогать оружием Сталину, пока он был слабейшей стороной, чтобы истощать силы Гитлера, но не объявлять его соратником и другом демократии, относиться к нему так, как сам он относится к нам: как к временным союзникам и будущим врагам. И, конечно, обратить оружие против него сейчас же, как только выяснилось поражение Гитлера“....

Как же относился Сталин к Вам (и к нам)? Известно. Еще только собираясь воевать, он не просто расстрелял, а замучил Гоца, Либера, да и всех социалистов, кто еще прозябал у него в тюрьмах и ссылках Не избежал, конечно, этой участи М. А. Бернштейн. Но «зарубежная делегация» на это не обращала внимания и ставила новую пробу на союз со Сталиным. Никого даже временного союза не получилось. Союз односторонним быть не может. Он не был принят Сталиным.

Немного раньше цитируемого абзаца, Г. Федотов поставил в политический тупик Черчиля и русских пораженцев, оставляя себя на главном пути, под открытым семафором. Но почему же этот поезд не двигается уже более пяти лет? Почему же не обращено оружие против Сталина сейчас же, как только выяснилось поражение Гитлера? Какие дивизии из чистых ангелов, не ходивших по грешной земле Гитлера, должны были обрушиться на Сталина? Те массы, что-ли, вожди которых, по словам Г. Федотова, „близорукие и невежественные“, „дезинформировавшие и деморализовавшие, с помощью печати, и свой народ и свои армии“?

Мы хотим конкретной ясности—о чем тут идет речь, о резолюциях или о чем-то живом и действенном? Т.е. как все это должно было произойти, но не произошло, а поезд оборонцев все-таки остался на главном пути?

Фактически А. А. Власов и власовцы были оборонцами родины, но пораженцами Сталина, не смешивали интересы Сталина с интересами народа, не совмещали несовместимое. Кроме того, власовцы собирались осуществлять оборончество не резолюциями, а творческим делом, не укладывающимся в одни политические схемы.

Цель—что широко известно—была: „обратить оружие против Сталина, как только закончится поражение Гитлера“...—в одном варианте и „обратить оружие против Гитлера сразу же, как только

закончится поражение Сталина (не России, а Сталина)”—во втором варианте.

— Ах, ах, какая наивность! Как можно было думать об этом!—воскликнут наши оппоненты.

Едва ли в этих думах и действиях Освободительного Движения было больше наивности, чем в оборончестве сталинской диктатуры.

Не для спасения Гитлера уже в 1945 году добровольно и десятками тысяч валили русские солдаты к Власову, каждому солдату РОА внушалось: «за нас никто каштанов из огня таскать не будет. Нужно иметь собственные дивизии. С поражением Германии наше дело не кончается, а только начинается».

— Нам бы хоть пять дивизий, только пять дивизий,—без конца повторял Власов.

Для власовцев было ясно, что обращать оружие против Сталина будут они сами. А для зарубежных оборонцев было неизвестно, кто это сделает: русских-то дивизий союзники не формировали, Сталин бы этого не допустил, хорошо понимая, что из этого получится.

Итак, господа „оборонцы“, собираясь обращать оружие против Сталина, вы преглядели единственную силу, способную на это. Вы не узнали в лице Власовского Движения армии народной революции и принялись беспощадно ее обстреливать самой отвратительной грязью. Некоторые «оборонческие артиллеристы» до сих пор не отходят от своих батарей, продолжая творить гром кононады до оглушения собственной совести (Аронсон, Двинов).

Кто же в тупике? Нам кажется, тот, кто не находит творческих сил в собственном народе и и для кого Освободительное Движение, движение

широчайших народных масс—не творческий акт народа.

Теория «условного рефлекса безнадежности и полной безисходности» Р. Абрамовича ничем не отличается от теории „сырья“ Е. Кусковой. Эти теории и свидетельствуют о полном тупике упорных оборонцев.

Но дело не только в этом, а в подлинно прокоммунистической позиции, занимаемой „СВ“. Свидетельством этому служат: 1) контакт с троцкистами в лице сотрудника „СВ“ Ив. Иванова и 2) концепции „СВ“ по колхозному вопросу. Г-н Шварц в статье „Страшная реформа“ „СВ“ № 8-9 IX 50 г.) пашет, что проводимая сейчас в СССР колхозная реформа означает „переход на бригадный метод работы и укрупнение колхозов, если рассматривать их чисто технически, часто—хотя далеко не всегда облегчает целесообразную организацию сельскохозяйственного труда. И в этом положительная черта новейшего развития—(Где же живой человек—колхозник)?“ И еще: «в результате укрупнения колхозов происходит ослабление и тех робких ростков колхозной демократии, которые так мучительно трудно, но все же пробиваются на колхозной почве“... (Хороша демократия!) Комментарии излишни. «СВ» сам себя ставит на крайний левый прокоммунистический фланг политического фронта. Отсюда делаются всеми правильные выводы, возлагающие моральную ответственность на „СВ“ за выдачу демократов Сталину в Дахау, Платлинге 1 и 2, Лиенце, Бат-Айблинге и в других местах. Вопрос достаточно ясен. „СВ“ вне интересов русского народа, а потому и вне его борьба с коммунизмом.

«Родина»

Ежемесячник власовцев в Аргентине «Родина» появился совсем недавно, изданный типографским способом в виде газеты. Зная все трудности, связанные с печатанием наших эмигрантских газет и журналов, при взгляде на «Роди́ну», да и на каждое вновь появившееся, политически трезвое издание, невольно проникаешься уважением и некоторым удивлением перед настойчивостью, целеустремленностью и энергией наших людей.

Даже небольшое количество вышедших до сих пор номеров «Родины» дают основание говорить об определенном прогрессе ежемесячника.

В каждое дело человек вырастает и тогда плавают в нем, как рыба в воде. Но сначала нужно расти и поэтому не удивительно, что в первом номере «Родины» ее издатели поймались на фальшивку «За честь Родины», подделанную из чувства «солидарности» «друзьями», и уделили ей до-

вольно много внимания. А разгадать ее можно было даже на основании этого маленького кусочка, помещенного в газете и блистающего «преторианцами», «средневековым бесправием» и прочими вещами. Да разве будет офицер или солдат Советской армии, отвечая жизнью своей и своей семьи за любую десятую часть написанного, душой и телом ежечасно ощущая зажим, насилие, бесправие и нищету, о которых не говорить, а кричать хочется, рассусоливать такие пряники? Будет ли он широко вещать о росте «боевой организации»? Нет и нет.

Ну, да это не в укор. Лошадь на четырех ногах и та спотыкается. Особенно хорош последний, полученный нами, третий номер «Родины», в значительной своей части посвященный траурным дням 1-го августа. Все статьи и воспоминания написаны дельно и по-человечески тепло. В них не

только печаль по утрате и горе, но и страстный призыв к борьбе. Хорошо написана и богата фактическими материалами статья М. Северного «Против рабского труда в СССР». Хлестко и предельно убедительно написана статья «Сподвижники большевистской «Правды», посвященная «Нашей газете», издаваемой в Аргентине, которая, как и каждый орган советских патриотов, вовсе не «наша» для каждого русского человека, а «ваша» — кремлевская, сталинская, коммунистическая и еще какая угодно, но только не «наша» и даже не тех, кто ее издает.

Третий номер «Родины» дает уверенность в том, что качество материала и в будущем будет хорошее. Материалом редакция овладела, остается решить круг вопросов, рассматриваемых ежемесячником, и будущую форму «Родины».

Как ежемесячник, «Родина» — это журнал, хотя и подан в форме газеты. Как журнал, нам кажется, он был бы лучше. «Родину» можно было бы конструктивно оформить: ввести разделы, один

из которых должен быть обязательно посвящен современной жизни в СССР. Вероятно, представил бы интерес и отдел ежемесячных обзоров местных событий, который, в ряде случаев, можно комментировать, излагая свою точку зрения на них.

Хорошая газета вышла бы, если бы сначала издать ее на четырех страницах два раза в месяц. А там, может, и до еженедельника дотянули бы. Конечно, пришлось бы довольно много поработать. А газеты нужны.

Создать в каждой стране (или группе стран) эмигрантского рассеяния хоть маленькую газету, которую бы каждый русский, не страдающий монархическим или иным „ическим“ вывихом, считал бы своей, газету которую по духу считал бы своей не только русский „здесь“, но и русский „там“ — великая, почетная и трудная задача.

Очень хотелось бы, чтобы аргентинские друзья стали застрельщиками большого начинания.

В. К.

СПРАВКА

К статье «Под знаком великих строек».

1. Куйбышевская гидроэлектростанция у города Куйбышева.

Установочная мощность—2 млн. квт.

Орошение—1 млн. га.

Железнодорожный мостовой переход по плотине через Волгу.

Строительство начато в 1950 году, должно войти в строй на полную мощность в 1955 г. Постановление опубликовано в «Правде» от 21-го августа 1950 г.

2. Сталинградская электростанция у города Сталинграда.

Установочная мощность—1,7 млн. квт.

Орошение—1,5 млн. га.

Обводнение—11,5 млн. га.

Ж.-д. мостовой переход по плотине через Волгу.

Строительство начать в 1951 году, сдать на полную мощность в 1956 году.

Постановление опубликовано в «Правде» от 31-го августа 1950 г.

3. Главный Туркменский Канал.

Трасса канала: от Тахия-Паша на Амур-Дарье, в обход Саракамышской котловины, через пустыню Кара-Кум, по древнему руслу Узбой в безводные районы Прикаспийской равнины западной Туркмении. Длина трассы—1100 км.

Три гидроэлектростанции с установочной мощностью 160.000 квт.

Орошение—1,3 млн. га.

Обводнение—7 млн. га. пастбищ.

Лесонасаждение—0,5 млн. га.

Строительство начать в 1951 году и окончить в 1957 году.

Постановление опубликовано в «Правде» от 12 сентября 1950 г.

4. Каховская гидроэлектростанция на Днепре Южно-Украинский канал, Северо-Крымский канал.

Плотина и электростанция установочной мощностью 250 тыс. квт.

Водоохранилище у Каховки в 14 млрд. кубм.

По плотине—ж. д. переход.

Трасса канала: от Запорожья к реке Молочной, на Аскания—Нова до Сиваша, на Джанкой, по степным районам Крымской области до Керчи. Общая протяженность—550 км.

Канал от Южно-Украинского канала в районе Аскания-Нова к Каховскому водохранилищу.

Длина—60 км.

Орошение—1,5 млн. га; обводнение—1,7 млн. га.

Начать в 1951 году, сдать на полную мощность в 1956 году.

Постановление опубликовано в «Правде» от 21 сентября 1950 г.

Редакция журнала предоставляет всем желающим право перепечатки помещенных в журнале материалов, а также перевода их на иностранные языки. Единственным условием при этом, которое ставит редакция, является обязательное указание источника.

Ж У Р Н А Л

≡ **Борьба** ≡

В Ы Х О Д И Т
Е Ж Е М Е С Я Ч Н О

на 3 мес.—1-50 н. м.

Подписная цена: на 6 мес.—2-80 н. м.

на год —5-00 н. м.

Цена отдельного номера—50 пф.

Подписка на журнал принимается издательством и
представителями СБОНР на местах.

Адрес редакции и издательства: München 22, Postfach 60.